

**МАСКУЛИНОСТЬ В ПОНИМАНИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ И РУССКИХ
ФИЛОСОФОВ-ИДЕАЛИСТОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

М. Г. СОКОЛОВСКАЯ

*Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
г. Брест, Беларусь*

Для того, чтобы воспринять и оценить проблему маскулинности в исторической ретроспективе ретроперспективе, целесообразно проследить логику развития идеального образа мужчины в истории философской мысли. Необходимо при этом осознавать два фактора. Во-первых, этот образ большей частью создавали сами мужчины-мыслители. Во-вторых, подобный процесс происходил до XX века в условиях доминирования патриархальной традиции, что предполагало безусловное превосходство мужчины над женщинами по большинству социально значимых параметров.

Используемый в данной статье метод историко-сравнительного анализа использует, с одной стороны, труды древнегреческих философов, а с другой – сочинения русских философов-идеалистов начала XX века. Подобный выбор обусловлен тремя обстоятельствами. Во-первых, обращением к двум основополагающим культурным кодам европейской цивилизации – античное наследие и христианство. Во-вторых, возможностью соотнесения образов маскулинности в доиндустриальном и индустриальном обществе. В-третьих, сравнение эпох соответственно жесткого патриархата и формирующейся андрогинности. В качестве источников сравнительного анализа использовались философские сочинения Платона, Аристотеля, Вл. Соловьева, С. Булгакова, В. Розанова и Н. Бердяева.

Образцы маскулинности в Древней Греции

Французский антрополог А. Боннар отмечает, что «сквозь всю древнегреческую философскую мысль и литературу проходит доминанта женоненавистничества, которая восходит к Гесиоду, который рассказывал, как Зевс, чтобы наказать людей за то, что они приняли от Прометея похищенный у него огонь, велел богам и богиням создать из сырой глины, болезненного желания, коварства и бесстыдства привлекательное чудовище, женщину – западню и пропасть бездонную» [1, с. 177].

Наблюдается доминирование гегемонной маскулинности. Образ мужчины в платоновском «идеальном государстве» рассматривается сквозь призму жестких социальных иерархий, в рамках которых одни должны руководить, а другие безоговорочно подчиняться: благородные должны править неблагородными, старшие – младшими, мужчины – женщинами. Подобную позицию занимает Аристотель, подчеркивающий, что «естественно и полезно для тела быть в подчинении у души, а для подверженной аффектам части души – быть в подчинении у разума и рассудочного элемента души, и, наоборот, какой получается всегда вред при равном или обратном соотношении... Также и мужчина по отношению

к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении» [2, с. 383].

Какие же качества в древнегреческие философы причисляют к подлинно маскулинным, делающим необходимым мужское доминирование?

Во-первых, это физическая сила и мощь, что естественным образом обеспечивает мужское преобладание на поле брани и при выполнении наиболее тяжелых видов труда.

Во-вторых, в интеллектуальном плане мужчины явно превосходят женщин, являясь воплощением мудрости и разумности, что детерминирует их способность к эффективному целеполаганию.

В-третьих, их ключевой добродетелью является выступает рассудительность, т. е. способность мужчины к контролю за своими чувствами, аффектами, страстями, что также предопределяет мужское лидерство.

В-четвёртых, мужчинам свойственна и такая античная добродетель, как агональный дух («мужество»), т. е. стремление к перманентному соперничеству с другими в различных социальных сферах, равно как и умение стойко переносить различные жизненные тяготы.

Со всей очевидностью и образностью мужское превосходство обнаруживается в «Физиогномике» Аристотеля, в которой на примере животных сравниваются женские и мужские типажи и где символом мужских достоинств выступает лев, а женских – барс. При этом «мужской тип» демонстрирует явное физическое доминирование не только по силе, но и красоте, эстетике (из внешних качеств у женского типа красивее только ноги, и она обладает большей физической гибкостью). Важно учитывать, что в учении Аристотеля внешний вид («конкретная этось») раскрывает внутреннюю природу живого существа. Кроме этого «самцы более храбры и прямы по природе». Типажу льва, согласно Аристотелю, характерно и то, что «в отношении души он благороден и щедр, великодушен, честолюбив, милостив, прям и привязан к тем, с кем он живет» [Цит. по: 3, с. 337–338]. Важным его качеством является и любвеобильность.

Известно, что в древнегреческом обществе получил широкое распространение гомосексуализм и только «любовь к мужчине достойно повелевает душой философа» (Лукиан). Её основу составляет то, что только мужчина способен на высочайшее чувство – чувство дружбы, им присущ «дух героев», «благородная жажда прекрасного», стремление к добродетели, философским познаниям и благам всестороннего образования, физические упражнения, и конечно же, физическая красота.

Образцы маскулинности в русской философии серебряного века

Выдающиеся русские философы Вл. Соловьев, В. Розанов, С. Булгаков возрождали к новой жизни идеи Платона, и использовали христианское мировоззрение, настаивая на индивидуальности и обособленности полов, которые призваны в конечном счете преодолеть существенную рознь и распадение. Они видели общественный идеал во взаимном дополнении обоих полов, тяготеющих друг к другу, без чего «половина» не может стать целым. Идеальное слияние мужского и женского должно состояться в семье и браке.

Как отмечает С. Булгаков, «полный образ человека есть мужчина и женщина в соединении, в духовно-телесном браке. Каждый в отдельности есть *полу-человек*» и «каждая личность представляет собой своеобразное смешение стихии мужской и женской, и этим обусловлена творческая напряжённость, эротика духа» [4, с. 263].

Исходя из базового постулата, что именно пол определяет содержание души, ее «философию и истину», В. Розанов указывает на прекрасную, но, тем не менее, противоположность полов – мужчины и женщины. Согласно его видению, «один будет: 1) деятелен, предприимчив, изобретателен, смел, отважен... другая же: 2) тиха, нежна, кротка, безмолвна или маломолвна. “Вечная женственность” – прообраз одной. “Творец миров” – прообраз другого... Мужская душа в идеале – *твердая, прямая, крепкая, наступающая... напирательная, одолевающая*. Идеал же характера и поведения женщины... – *нежность, мягкость, податливость, уступчивость*». Он же является героем и деятелем, а она (женщина) «суть семейница, домоводка» [5, с. 33–34]. И абсолютно негативными характеристиками выступают «мужеподобие» женщины и «женоподобие» мужчины.

При всей ценности каждого из полов они не являются самодостаточными и своей гармонии, полноты могут достичь только через слияния, совпадения, взаимопроникновения, взаимодополнения в личностном и социальном измерениях. Только в этом случае они обретают свое достоинство и жизненный смысл, происходит преодоление отчуждения между мужским и женским началами, осуществляется своеобразный синтез души и тела, формируется «андрогинность», «единое тело» как высшее единство мужского и женского, как проявление полноты человека.

Физическая близость выходит за рамки зачатия плода и последующего рождения ребенка. Это не просто «родовой акт» и проявление «инстинкта рода». И не только их (мужчины и женщины) очевидная телесная зависимость и связанность. В. Розанов отмечает, что в этой близости происходит прекрасное преобразование их обоих: «Через совокупление мужчина прививает (как бывает в “садоводстве”) себя женщине, женщина прививает себя мужчине... Это “приём душевной ванны”, из которой совокупившийся выходит “обновленным” и “другим”» [5, с. 150–151]. По его убеждению, через физическое обладание противоположным полом индивид приобретает чувство полноты и гармонии бытия.

В его представлении, эмансипация женщин обусловлена, прежде всего, деформацией мужской природы, тем, что в нём «хрустнула мужественность», и мужчина не сохранил коренных черт своей природы. По этой причине в российском обществе наблюдается множество женственных характеров среди мужчин, обладающих к тому же «женоподобным сложением».

В свою очередь, Н. Бердяев в работе «Свобода творчества» пишет: «В миропорядке мужское и есть по преимуществу антропологическое, человеческое начало, женское – начало природное, космическое. Мужчина-человек через женщину связан с природой, с космосом, вне женского он был бы отрезан от души

мира, от матери-земли. Женщина вне связи с мужским не была бы вполне человеком, в ней слишком сильна темная природная стихия, безличная и бессознательная. В женской стихии, отделенной от мужской, нет личности» [6, с. 271].

Мужское и женское самосознание при этом имеет свои отличительные черты. В представлении русского философа, «мужчина деятелен, логичен, полон инициативы; женщина инстинктивна, склонна к самоотданию, мудра нелогической и неличной мудростью простоты и чистоты» [6, с. 264–265]. Он всячески противится отождествлению полов, полагая, что женоподобный мужчина производит уродливое впечатление. Отношения между мужчиной и женщиной основаны на иерархии, в которой мужское начало выступает основной темой, главным мотивом и импульсом. Эти же отношения заключают в себе благодаря «сексуальной своей затемненности» и чувственности также мучительные для мужчины переживания.

Н. Бердяев видит существенные различия личностных характеристик мужчины и женщины в земной жизни, в условиях «падшего» бытия. Так, в письме к княгине И. П. Романовой он отмечал, что, «существует огромное различие, почти пропасть между мужским и женским миром. Мужская и женская психология настолько разные, что в одни и те же слова вкладывают разное содержание. У женщин совсем иные ожидания от жизни и от человеческих отношений, чем у мужчин» [Цит. по: 7, с. 80]. К тому же в «мужской природе сильнее чувство личности и большая независимость от сменяющихся во времени состояний, большая способность совмещать во всякое время всю полноту духовного бытия... Мужчина не склонен отдаваться исключительно и безраздельно радости любви или страданию от какого-нибудь несчастья, у него всегда еще есть его творчество, его дело, вся полнота его сил» [6, с. 322]. Правда, у него есть своя «ахиллесова пята», связанная с сексуальной зависимостью от женщин, что позволяет утверждать, что женщина является стала коренной слабостью мужчины и источником многих его слабостей.

Выводы. Сравнительный анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, следуя алгоритму патриархальности, философы русского серебряного века следуют ее смягченному варианту, признавая, в отличие от древнегреческих мыслителей, высокую социальную значимость женщины.

Во-вторых, российский философы настаивают на утверждении в обществе андрогинности, что предполагает известное размывание формата гегемонной маскулинности, доминировавшего в Древней Греции.

В-третьих, согласно христианской версии, которую разделяют русские философы-идеалисты, ключевым компонентом мужского достоинства является любовь к женщине, в то время как древнегреческая философская мысль отдает предпочтение однополю любви.

В-четвертых, обе философские школы негативно воспринимают «мужеподобие» женщины и «женоподобие» мужчины, равно как и признают существенное различие мужской и женской психологии.

В-пятых, если, по убеждению древнегреческих философов, однозначно властные позиции в обществе и семье закрепляются за мужчинами, то русские философы предполагают гендерную вариативность социальных иерархий.

В-шестых, древнегреческие философы и русские мыслители едины в убеждении, что любовь вырастает не только из земного, но и божественного источника.

Литература:

1. Боннар, А. Греческая цивилизация / А. Боннар. – М. : Искусство, 1990. – Т. 1. От Илиады до Парфенона. – 269 с.
2. Аристотель, Сочинения : В 4 т. / Общ. ред. А. И. Доватура. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
3. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1975. – 776.
4. Булгаков, С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. М. : Республика, 1994. – 415 с.
5. Розанов, В. В. Люди лунного света. Метафизика христианства / В. В. Розанов // Сочинения : в 2 т. – М. : Правда. – Т. 2. – С. 10–192.
6. Бердяев, Н. А. Смысл творчества / Н. А. Бердяев // Смысл творчества. – М. : Изд-во АСТ, 2018. – 497 с.
7. Рябина, Т. В. Диалектика любви и свободы в эротической теории философии Н. А. Бердяева / Т. В. Рябина // Вестник МГТУ. – Т. 3. – № 1. – 1999. – С. 29–34.

Аннотация. В статье осуществляется сравнительный анализ образцов маскулинности, представленных в концепциях философов Древней Греции и русских философов-идеалистов серебряного века. Отмечается, что в отличие от философов Древней Греции, русские мыслители являлись сторонниками андрогинности в гендерных отношениях и смягчения в обществе гендерных иерархий.

Ключевые слова: гендер, маскулинность, феминность, социальное неравенство, философия.

MASCULINITY IN THE UNDERSTANDING OF ANCIENT GREEK AND RUSSIAN IDEALIST PHILOSOPHERS OF THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: COMPARATIVE ANALYSIS

Annotation. The article provides a comparative analysis of masculinity samples, presented in the concepts of the philosophers of Ancient Greece and Russian idealist philosophers of the Silver Age. It is noted that, unlike from the philosophers of Ancient Greece, Russian thinkers were followers of androgyny in gender relations and mitigation in society of gender hierarchies.

Keywords: gender, masculinity, femininity, social inequality, philosophy.

Сведения об авторе:

Соколовская Мария Григорьевна, магистр психологических наук, старший преподаватель кафедры политологии и социологии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина.

Maria Sokolovskaja, Master of Psychology, Senior of Lecturer of Department for Political Science and Sociology at the Brest State A. S. Pushkin University.

УДК 37.013.3:37.017:316.752:71.8

ГУМАНИТАРНЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В. К. СТЕПАНЮК

*Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
г. Гомель, Беларусь*

Современные глобализационные перемены, происходящие в мире, сопровождаются коренными сдвигами в духовной культуре и ключевых ценностях населения.

Ценности – это внутренние структуры, глубинные регуляторы поведения людей, мотивирующие действия индивидов, групп, общества в целом. Ценности воплощают обобщенные представления людей относительно целей и норм поведения, они в концентрированном виде выражают смысл культуры народа в целом. Нравственная культура, являясь непосредственным регулятором поведения людей, способствует развитию личности и накоплению духовно-нравственных ценностей в обществе.

В зависимости от социального опыта, приобретенного личностью, варианты ценностных ориентаций существенно различаются. Нравственная позиция индивидов коррелятивна их ценностной ориентации. В связи с динамикой потребностей, интересов, степенью осмысления конкретной жизненной ситуации, под влиянием современных средств манипуляции сознанием людей ценностная ориентация может трансформироваться.

«Игнорирование моральных ценностей неизбежно оборачивается духовным разложением, размыванием границ между добром и злом. Это порождает у личности неопределённость в ориентирах, шаткость собственной нравственной позиции. Скепсис или нигилизм в отношении к системе общечеловеческих моральных ценностей приводит в духовной жизни общества и личности к «плюрализму» нравственных принципов, признание равноценности которых обуславливает неустойчивость нравственной позиции, непрогнозируемость поведения в конкретной ситуации» [1, с. 140].

Одним из фундаментальных направлений научно-технического прогресса, определяющим стратегические приоритеты развития современного общества, является информатизация. В современной литературе можно встретить различные трактовки понятия «информационное общество». Например, под информационным обществом понимается новый тип социальной реальности, формирование которой начинается на пороге третьего тысячелетия. «Информационное общество – результат сочетания двух процессов: с одной стороны, развития постиндустриального общества, которое, согласно Дэниелу Беллу отличается тем,